

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. НОРТОН)

Коломиец С. В., Медведева Е. В.

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Россия, г. Кемерово, 650043, ул. Красная, 6, e-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

Одним из самых популярных литературных жанров последнего времени является фэнтези. В статье рассматривается содержание термина «модальность», а также основные виды данной категории, отмечается ведущая роль модальности как средства формирования «возможного мира». Категория модальности исследуется в ее взаимодействии с категориями пространства и времени. В статье приводятся основные жанровые характеристики литературы фэнтези, которые обуславливают специфику функционирования пространственно-временных категорий. В качестве основных видов модальности, используемых авторами жанра фэнтези, выделяются модальность «истинности» и «реальности», с одной стороны, и модальность «странности», «кажимости», «чуждости/ чужеродности» – с другой. В исследовании также указываются различные лингвостилистические средства, используемые для выражения данных видов модальности. Специфические черты выражения авторской модальности в дискурсивном пространстве фэнтези проиллюстрированы примерами из произведений А. Нортон.

Ключевые слова: дискурсивное пространство, фэнтези, модальность, хронотоп.

THE CATEGORY OF MODALITY IN DISCURSIVE SPACE OF FANTASY (BASED ON WORKS BY A. NORTON)

Kolomiets S. V., Medvedeva E. V.

Kemerovo State University, 6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russia, e-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

Nowadays one of the most popular literary genres is fantasy. This article considers the volume of the term “modality” as well as the basic varieties of this category. It also emphasizes the leading role of modality as a means of formation of a “possible world”. The category of modality is analyzed in its interaction with the categories of time and space. The article describes some principal genre characteristics of fantasy literature which determine the specific operation of temporal and spatial categories. As the basic varieties of modality used by the writers of fantasy the modality of “truth” and “reality” on the one hand and the modality of “strangeness”, “seeming”, “foreignness” – on the other hand are taken. The research also mentions different linguostylistic means used for expressing the given modality varieties. Specific features of revealing the author’s modality in fantasy discursive space are illustrated with some extracts from the works by A. Norton.

Keywords: discursive space, fantasy, modality, chronotopos.

Фэнтези сегодня является одним из наиболее популярных жанров, как в литературе, так и в других видах искусства. Неослабевающий интерес к данному виду творчества связан, на наш взгляд, как с извечной тягой человека к фантастическому (волшебному), так и с возможностями, которые этот жанр предлагает для выражения авторского представления о месте и роли Человека. Как отмечает Е. Л. Разова, «мир фэнтези полон границ: между добром и Злом, человеком и нечеловеческими существами, свободой и властью, богом и миром. И, определяя себя по ту или иную сторону, человек принимает решение быть собой и жертвовать многим ради этого» [9].

Данная статья посвящена исследованию категории модальности в дискурсивном пространстве фэнтези. Материалом для исследования послужили произведения известной американской писательницы А. Нортон.

Произведения фэнтези, представляя собой материальную репрезентацию определенной части художественного дискурса, включены в особое дискурсивное пространство фэнтези, которое является частью художественного дискурсивного пространства. В данной работе дискурсивное пространство понимается как некая логическая среда сосуществования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо признаку... как сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов [7].

Одной из отличительных особенностей произведений фэнтези является детально проработанный образ Другого (вторичного) мира. Реальность художественного мира любого литературного произведения представляет собой авторскую модель мира, фрагмент его собственной языковой картины мира, конструируя которую автор осуществляет трансформацию онтологии действительного мира. При этом, построение Другого мира фэнтези представляет особый интерес, так как в этом случае происходит удвоение задачи – художественный вымысел умножается на фантастический. Вслед за М. Ф. Мисник мы считаем, что вымышленный (Другой) мир произведений фэнтези следует интерпретировать с позиций семантики возможных миров. В связи с этим особый интерес для нас представляет категория модальности, которая является средством и средой формирования таких миров [2, с. 18].

Термин «модальность» используется разными науками: философией, логикой, лингвистикой, литературоведением. В лингвистике под модальностью понимается «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» [5, с. 303]. В зависимости от вида выражаемых отношений модальность может быть объективной (отношение содержания высказывания к действительности) и субъективной (отношение говорящего к содержанию высказывания).

По мнению И. Р. Гальперина, отношение говорящего к действительности, выражаемое различными средствами (формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, стилистическими и т.д.), является неотъемлемой характеристикой коммуникативного процесса. При этом одним из наиболее существенных признаков модальности является оценка описываемых фактов. Субъективно-оценочное отношение говорящего к предмету высказывания в тексте не выявляет суть явления, но выражает мироощущение повествователя, то, как он воспринимает конструируемый им мир [4]. Таким образом, повествователь представляет мир через призму различных видов субъективной модальности, которые и помогают оценить вымышленный мир фэнтези, как Другой.

Текстовые категории, взаимодействующие с категорией модальности в произведениях фэнтези, это, прежде всего, категории пространства и времени (хронотоп). Хронотоп любого литературного произведения отличается жанровым своеобразием, а хронотоп фантастических текстов (соответственно и фэнтези) часто отличается своей демонстративностью, то есть подробной и точной хронотопической привязкой действия. Так, например, время в этих произведениях может приостанавливаться или исчезать вовсе [3, 9].

Жанр фэнтези генетически связан с мифом и сказкой, что находит отражение в свойствах хронотопа. В произведениях фэнтези хронотоп наиболее близок мифологическому: структура пространства является неоднородной (как в мифе и сказке), оно делится на свое и чужое, а время теряет ряд своих характерных свойств – непрерывность, линейность, необратимость. Неоднородность изображаемого мира, двойственная его природа обуславливают авторскую модальность произведений фэнтези. С одной стороны, изображая «свое» пространство, автор пытается придать ему максимальную реалистичность и достоверность, используя для этой цели модальность «истинности» и «реальности». С другой стороны, при изображении «чужого» пространства, автор стремится подчеркнуть его аномальность, реализуя для этого модальность «странности».

Исследование ряда произведений А. Нортон (“Forerunner Foray”, “Storm Over Warlock”, “Star Born”, “Gifts of Asti”, “Flight In Yiktor”, “Elvenblood”, “Voodoo Planet”) показывает, что для создания достоверной картины изображаемого мира автор использует пространственные мифознаки: топонимы и астротопонимы, которые являются «полуреальными», стилизованными под реально существующие названия звездных систем, планет, городов (Archon IV, Lysander, Xecho, Erb, Astra, Tikil, Singakok, Rukharv, Xuth), либо «говорящими», связанными с событиями, изображаемыми в тексте (Circe, Witch, Limbo, Khatka, Dipple, Nornoch, Ruby Lane, Homeport, Land of Beyond). Она также прибегает к помощи событийных (Second Wizard War, Second Atomic War) и предметных мифознаков (Salarica, Dragons, Elves, Mermen). На фоне «рутинных» событий и повседневных дел героев, при описании которых реализуется модальность «реальности» и «потенциально возможности», выделяются события, происходящие в «чужом» пространстве изображаемого мира фэнтези.

В качестве модальных операторов идентификации Другого (аномального) мира выделяются операторы «странности», «неожиданности» и «кажимости» [6]. Мы считаем, что этот ряд должен быть дополнен оператором «чужеродности / чуждости» применительно к произведениям А. Нортон (а возможно и к другим произведениям американской фэнтези). Данный оператор отражает существование одного из ключевых для американской литературы и культуры архетипа «Чужака» (Alien), связанного с особенностями ее

исторического развития и многонациональным составом населения. Оператор «чужеродности/ чуждости» ярче всего проявляется при переходе из одного мира в другой: “home world”/ “alien world”. Он также может отражать принципиальную невозможность равноценного общения между людьми и другими существами: “between Throg and man there appeared to be no meeting ground at all – total differences of mental processes producing insurmountable misunderstanding. There was simply no point of communication”.

Следует отметить, что само появление репрезентантов модальности «странности» готовит читателя к смене воспринимаемой реальности, являясь своеобразными маркерами, указывающими на аномальность будущих событий. Так, в романе “Voodoo planet” появление незнакомца, который удивил привыкшего к разного рода чужакам члена экипажа, является предвестником будущих необычных событий: “Dane used to unusual-appearing strangers, both human and alien, was impressed”, дальнейшее развитие действий вызывает упоминание магии в различных ее проявлениях: “magic”, “hunting magic”, “killing magic”, что впоследствии реализуется в череде странных и необычных событий. Эти необычные события, в свою очередь, оцениваются одним из персонажей как “queer”.

Модальность «странности», «кажимости», «чужеродности/ чуждости» довольно ярко представлена в повести “Gifts of Asti”. Пространство, описываемое А. Нортон в данном произведении, членится на несколько пространственно-временных континуумов. Они отделены друг от друга определенными границами и обладают своими специфическими характеристиками. Первый – мир главной героини – находится в состоянии умирания. Автор передает атмосферу конца через лексику, связанную со смертью: “burning Memphis”, “prolonged death”, “last of the virgin Maidens”, но самым ярким акцентом является упоминание времени: “Indeed it was time to leave –” в сочетании с графическим маркером незаконченности высказывания.

Начало путешествия Варты во второй мир (чужое пространство) представлено с точки зрения модальности «кажимости», которая «маркирует то, что не виделось, а привиделось, не слышно, а прислышалось. Для нее характерен антураж сумерек и тумана, снов и видений» [1, с. 834]. Переход связан с тайной “secret way”, пространство воспринимается бесконечным “gulf which seemed endless”, время в нем также меняет свои свойства “ageless containers”, “How long the yjourneyed down... Varta never knew.<...> Time did not exist in the underworld of Erb. Varta did not know whether it was still today, or whether she had passed into tomorrow”. Цикличность времени акцентируется использованием таких лексем как “again”, “time(s)”, “day”, “night”, “month”, “year”. Этот второй мир воспринимается героиней как смертельно опасное, чуждое людям место: “curls of gas were death to all lunged creatures of the upper world”. Его населяют странные существа “unearthly thing”, движение которых выглядит

неестественно: “It moved slowly, seeming to balance at each step as if travel was a painful act. <...> With a last twist of ungainly body the creature squatted on a rock and clawed the clumsy covering it wore about its bone-thin shoulders and domed-skull head. The visage it revealed was long and gray, with dark pits for eyes and a gaping, fang-studded, lipless mouth.” На стилистическом уровне модальность «странности» подчеркивается противопоставлением двух миров по вертикальной оси «верх/ низ» – “upper world (surface world)/ underworld” и по цветовой оппозиции «светлый/темный» – “woman of the Light/ Guardian of the Dark”.

Возвращение в наземный мир описывается через характерную для мифологического времени оппозицию «жизнь/смерть»: “there were no signs of deadly steam...There was a freshness to the air...which hinted of the upper world.” Здесь также присутствуют следы смерти и разрушения – “ruins”, “many dead things”, “war”, но произошедшие очень давно – “that was long ago”. Текущее состояние характеризуется насыщенной жизнью природы, что выражается через использование таких лексем, как – “vegetation”, “jungle”, “fruit”, “birds”, “lizard creatures”, “green fertility”. В этой новой части наземного мира также присутствует фрагмент Иного (озеро, сохраняющее жизнь), описываемый через модальность «странности» и «кажимости»: “This is no water such as we know...It has life in it”, “a mystery”, “the greatest wonder”, “the strange thing”, “strange properties of water”, “strange life of the lake”. Время здесь не властно, все сохраняется в том виде, в каком оно попало в воды озера: “What goes into it remains as it was just at the moment of entrance. <...> untouched by the years”. Именно из вод озера героиня получает бесценный дар – человека из прошлого, которому суждено вместе с ней построить будущее.

Таким образом, авторская модальность при конструировании мира фэнтези в произведениях А. Нортон выражается с помощью модальных операторов «истинности (реальности)» и «потенциальной возможности», с одной стороны, и операторов «странности», «кажимости», «чужеродности/ чуждости», с другой, которые реализуются как с помощью соответствующих лексем, так и с помощью различных семантических оппозиций, противопоставляющих мир героя и Другой мир. Хронотоп произведений фэнтези отличается мифологичностью и сказочностью модели пространственно-временного континуума по следующим параметрам: соотношение «своего» и «чужого» пространства, изменение таких свойств времени как непрерывность, линейность, необратимость, возможность замедлить или остановить течение времени.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры»,

1999. – I-XV, 896 с.

2. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
3. Бочкова О. С. Категории модальности, времени и пространства в жанре НФ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 26 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Мисник М. Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: автореф. дис. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 20 с.
7. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири MagisterDixit, 2011. – № 2. – С. 152–158.
8. Разова Е. Л. Fantasy: возвращение человеческого мира? // VitaCogitans: альманах молодых философов. Вып. 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 233–243.
9. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с фр. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. – 144 с.

Рецензенты:

Каменева В. А., д.ф.н., профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово;

Мельник Н. В., д.ф.н., профессор кафедры стилистики и риторики ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.